

ОТДЕЛЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТОМ XIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1960

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

1960, том XIX, вып. 3

май — июнь

Д. С. ЛИХАЧЕВ

СЕРИЯ МОНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Жанры литературоведческих книг нуждаются в существенном пополнении. Существующих жанров не так уж много: «истории литератур», в которых сообщение фактического материала сочетается с попытками вскрыть исторические изменения в литературе, монографии об отдельных писателях типа «жизнь и творчество», иногда, впрочем, ограниченные каким-либо определенным периодом или определенной группой произведений, монографии об одном произведении, — вот, пожалуй, и все основные типы литературоведческих книг последнего времени. Более разнообразны, конечно, типы литературоведческих статей и публикаций.

Ограниченность жанров крупных литературоведческих работ частично тормозит развитие литературоведческой науки. Основные жанры литературоведческих работ, в силу соединения в них исследовательского начала с популяризаторским, мало приспособлены для проведения в них исследовательских идей, в результате чего наши литературоведческие работы характеризуются некоторой внутренней скованностью мысли. Исследование частично подменяется простым сообщением общеизвестных фактов.

В связи со сказанным, я думаю, не бесполезно ознакомить читателей с особым типом литературоведческих книг, выпускаемых сектором древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР в серии монографических исследований памятников древнерусской литературы.

* * *

Серия монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы насчитывает уже десять книг. В производстве Издательства АН СССР находятся еще две книги и полностью подготовлена одна; в стадии подготовки находится около десяти книг.

Серия существует с 1955 г. Тогда вышли сразу три книги этой серии: «Казанская история» Г. Н. Моисеевой, «Сказание о князьях владимирских» Р. П. Дмитриевой и «Сказание Авраамия Палицына», подготовленное коллективом авторов (О. А. Державиной, Е. В. Колосовой и П. В. Черепинным). В том же году в Трудах Отдела древнерусской литературы (т. XI) вышла и статья «Проект серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы», автор которой — Р. П. Дмитриева, суммировала пожелания к этой серии со стороны сектора древнерусской литературы.

Серия родилась из определенных научных требований, выдвинутых ходом научных исследований древнерусской литературы, и самый тип книг этой серии выработался постепенно и продолжает выработываться и уточняться до настоящего времени.

Тип книг этой серии выработался не без влияния опыта работы сотрудников сектора древнерусской литературы над отдельными выпусками «Литературных памятников». В серии «Литературные памятники», как известно, вышли следующие широко-объявленные издания памятников древнерусской литературы: «Воинские повести древней Руси» (1949), «Слово о полку Игореве» (1950), «Повесть временных лет» (1950), «Послания Ивана Грозного» (1951), «Симеон Полоцкий» (1953), «Русская демократическая сатира XVII в.» (1954), «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.» (1954), «Повесть о Скандербеге» (1957), «Хождение за три моря Афанасия Никитина» (1949 и 1958), «Повести о Куликовской битве» (1959) и др.

Соединение издания памятника (непосредственно по рукописям) с подробными объяснениями и исследованиями его текста и исторической обстановки его создания оказалось чрезвычайно удобным для читателя и вызвало большую популярность этих изданий. Отмечу, например, что в последних зарубежных исследованиях историков и филологов «Повесть временных лет» постоянно цитируется по изданию в серии «Литературные памятники»; широкий интерес возник к «Посланиям Ивана

Грозного», к «Хождению» Афанасия Никитина в данной серии. Последние два издания легли в основу изданий иностранных¹.

Дело, однако, не только в том, что соединение издания памятника с его исследованием было удобно для читателя — это соединение оказалось принципиально правильным и с чисто научной точки зрения. Неустойчивые тексты древнерусских памятников не могли быть научно изданы без соответствующей научной интерпретации текста и его истории. Тексты выступали подчас в совершенно новом виде, препарированные с помощью новой текстологической методики, успешно развивающейся за последние годы в изучении памятников древнерусской литературы². Один из принципов этой новой методики заключается в отказе от механических приемов классификации текстов. Текстолог обязан не только приводить факты, но и объяснить их. Ни один текстологический факт не может быть использован, пока не дано ему объяснения. Текстолог должен интересоваться не только тем, что произошло с текстом, но и тем, при каких обстоятельствах это произошло и почему. Регистрация изменений текста и объяснение этих изменений — не две различные исследовательские задачи, а единая задача, вытекающая из необходимости при текстологической работе широкого литературоведческого исследования памятника в целом.

В самом деле, даже простое прочтение текста древнего памятника требует от текстолога известной своей интерпретации этого текста, сказывающейся на каждом шагу текстологической работы — в разбивке текста на слова, в расстановке знаков препинания, в выборе тех или иных чтений из различных списков и т. д. Все это уже требует своих объяснений, доказательств объяснений, исследования списков, языка памятника, его стиля, исторической обстановки и т. д. Текстология уже в этих элементарных случаях незаметно и органически сливается с литературоведением в целом. При этом изучение памятника должно предшествовать его изданию. Сперва изучить, а потом издать на основе этого изучения — таков принцип советской текстологии. Он диаметрально противоположен укоренившейся в старой, дореволюционной науке практике издавать памятники для их последующего изучения.

С тех пор как текстология перестала пользоваться механическими и формальными приемами издания текстов, а стала изучать историю текста во всей его сложности, рассматривая при этом историю текста как историю людей, этот текст создававших, текстологические данные оказались исходным материалом для изучения памятника.

Конкретная жизнь памятника не может быть вскрыта механическими приемами и подсчетами, как это предлагалось текстологической школой К. Лахмана, оказавшей огромное влияние на русскую медиевистику прошлого. Чтобы полностью восстановить историю текста, надо войти в историческую обстановку, детально знать исторические события, детально знать факты классовой и внутриклассовой борьбы. Текстолог должен выткнуться в психологию переписчика, ясно понимать причины ошибок писца и тех изменений, которые они вносят в текст; но в еще большей мере он должен знать его идейный строй, его идеологию, а также идеологию «заказчика» переписываемого произведения и т. д.

На всем пути истории текста памятника стоят люди с их воззрениями, интересами, вкусами, навыками письма и чтения, особенностями памяти и общего развития. Из этих людей наиболее важен для нас автор произведения или его авторы, поскольку коллективное начало играет в древнерусской литературе очень большую роль, но значение имеют и редакторы, заказчики, переписчики, читатели, которые также оказывают влияние на судьбу текста. За всеми этими людьми в свою очередь стоят люди и люди: все общество в целом оказывает заметное и незаметное влияние на судьбу памятника.

История текста памятника, воспринимаемая как история идей и вкусов конкретных людей, выступает перед нами в тесной связи с историей всего общества.

Задачи издания и изучения памятника в результате всего этого и объединились, и осложнились. Текстология потребовала все более и более интенсивного литературоведческого аспекта, а литературоведение в изучении древних памятников все более стало опираться на конкретный и объективный материал текстологии.

Из всего изложенного ясно, что объединение в одном исследовании издания текста памятника, его текстологического анализа и литературоведческой интерпретации

¹ Putování ruského kupce Afanasije Nikitina přes tři moře. Připravil Vincens Lesný. Sloyanské nakladatelství. Praha, 1951; Listy Ivana Hrozného. Přeložili Hana Skalová a Bohuslav Ileš. Praha, 1957; The Correspondence between prince A. M. Kurbsky and tsar Ivan IV of Russia, 1564—1579. Edited with a translation and notes by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1955; Ivan le-Terrible. Lettres traduites par Daria Olivier. Paris, 1959; Ivan den Skraekkelige. Brevveksling med Fyrst Kurbski, 1564—1579. Oversat af Bjarne Nørretranders. Munksgaard, 1959.

² См. Д. Лихачев. Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников. «Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка», 1955, т. XIV, вып. 5; его же. Древнерусское рукописное наследие и некоторые методические принципы его изучения. Slavia, 1958, R. XXVII, S. 4.

явилось результатом особого научного направления в изучении наших древних памятников и отнюдь не представляет собой случайности³.

Правда, первая из книг, вышедших в данной серии монографических исследований памятников древнерусской литературы, — «Казанская история», — подготовленная Г. Н. Моисеевой, не вполне отвечала этим, тогда еще не совсем определенным требованиям. Это было в большей мере издание текста (причем только по одному списку), чем его исследование. Отдельные части исследования «Казанской истории» печатались отдельно — в «Трудах Отдела древнерусской литературы». Однако появившиеся в том же 1955 г. две другие книги той же серии — «Сказание о князьях владимирских» Р. П. Дмитриевой и «Сказание Авраамия Палицына» указанного выше коллектива авторов — полностью устранили эту непоследовательность. Это были всесторонние исследования, совершенно по-новому дававшие, на основании изучения максимального количества известных списков, и тексты этих произведений, и интерпретацию их содержания.

Примечательно, что в этих первых выпусках были представлены два типа монографий — выполненных одним автором и выполненных группой авторов. Привлечение нескольких авторов к выполнению одной монографии вызывалось необходимостью всесторонне осветить памятник, что не всегда было под силу одному специалисту. В частности, Л. В. Черепнин был привлечен к исследованию «Сказания Авраамия Палицына» в качестве историка: идеология такого сложного и крайне противоречивого политического деятеля, как Авраамий Палицын, нуждалась во внимательной исторической интерпретации. Действительно, «Сказание Авраамия Палицына» являлось тенденциозным и, в известной мере, автобиографическим документом, составленным человеком, который, находясь на вершине бурных событий начала XVII в., неоднократно менял свою политическую позицию. Его поведение, его изменчивые взгляды нуждались в освещении историком.

В дальнейшем некоторые выпуски этой серии составлялись также коллективно. Так, «Сочинения Ивана Пересветова» готовились в основном историком А. А. Зминым, для решения же чисто литературоведческой части этой работы были привлечены литературоведы Д. С. Лихачев, Л. Н. Пушкирев и М. Д. Каган. «Послания Иосифа Волоцкого» готовились тремя исследователями — И. П. Еремным, Я. С. Лурье и А. А. Зминым. Первый дал характеристику Иосифа Волоцкого как писателя в той своеобразной манере, которая свойственна только этому исследователю и которая в данном случае оказалась очень удачной.

Таким образом, серия включает в себя и коллективные и индивидуальные работы. Коллективные исследования организуются только тогда, когда это вызывается требованиями самого материала исследования.

По какому типу строятся отдельные выпуски серии? В «Проекте» серии, опубликованном Р. П. Дмитриевой в томе XI «Трудов Отдела древнерусской литературы», были установлены структура отдельных выпусков, тип и характер входящих в них историко-литературных и текстологических исследований. Практически, в процессе непосредственной подготовки отдельных выпусков, эта часть «Проекта» постоянно

³ Чтобы судить о том, насколько важно сочетать публикацию текста и его исследование, сошлюсь на опыт издания Берлинской Академией наук известной серии «Немецкие средневековые тексты» («Deutsche Texte des Mittelalters»). Когда серия начала печататься в начале XX в. (первый том ее вышел в 1904 г.) под общим руководством Г. Рете, это были издания отдельных списков как предварительный материал для изучения. Рукописи публиковались аккуратно, но без каких-либо исследований. Постепенное и осторожное обращение к критическим изданиям началось в 40-х годах XX в. под руководством нового главы этой серии — А. Гибнера. Критические приемы издания могут быть отмечены уже в издании «Ланцелота» Рейнгольда Клуге (1948), «Младшего Титуреля» Альбрехта фон Шарфенберга (1955) и др. Научный опыт подсказал необходимость соединять в одном томе издание памятника с его исследованием. Огромных предварительных изучений потребовало издание сочинений Генриха Фон Вельдеке, готовящееся Т. Фрингом и его сотрудницей Г. Шиб. Исследования самого Т. Фринга и его сотрудников велись десятки лет. Были составлены словари языка, словари рифм, многочисленные комментарии к отдельным произведениям и даже отдельным спискам. В 1956 г. вышло, наконец, издание «Легенды о Сервации» этого автора (Halle, 1956). Оно снабжено картой, указывающей распространение культа святых, исследованиями, словарем, указателем рифм и чтений. Характерно, что немецкие исследователи все более и более приходят к убеждению, что тип, характер издания, его сочетание с исследованиями должны обуславливаться формой рукописной традиции и устанавливаться в каждом случае отдельно. Как видим, исследователи средневековых памятников СССР и ГДР независимо друг от друга приходят постепенно к общим взглядам на необходимость соединять издания памятников с их исследованиями.

Но дело и не в простом объединении. Требования нашей серии заключаются в том, чтобы публикации текстов основывались на подробном предварительном исследовании их истории. Исследование текста должно предшествовать его изданию. В этом отличие современных научных изданий текстов от старых, где публикации сопровождались подробными комментариями и статьями.

нарушалась. Не нарушались общие требования к исследованию — требования методологические и научно-методические, но построение отдельных выпусков серии различно. Если оставить в стороне первую книгу этой серии — «Казанскую историю», — как нетипичную, то нужно сказать, что издания памятников выполнялись всюду на основании всех доступных списков и по всем редакциям, с учетом современной текстологической методики. Исключение составляет только «История Иудейской войны» в древнерусском переводе — памятник очень обширный и затруднительный для издания по всем редакциям.

Публикации текстов предшествуют исследования. Число этих исследований, вопросы, в них затрагиваемые, совершенно различны и зависят исключительно от того, в освещении каких сторон больше всего нуждается памятник. Так, памятник переводный и чрезвычайно важный с точки зрения истории русского языка, искусства перевода и художественной стилистики — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе — по вполне понятным причинам не имеет исторического исследования, но зато имеет исследование языка и перевода. Книга, посвященная первой пьесе русского театра — «Артаксербову действию», также не имеет исторического исследования (оно было бы в данном случае совершенно излишним), но имеет исследование текстологическое и театроведческое. Чрезвычайно тесно связанное с историческими событиями и официальной идеологией русского правительства XVI в. «Сказание о князьях владимирских» исследуется в органическом единстве своих текстологических и исторических данных. В нем не выделялись отдельно исторические части исследования, хотя историческое изучение и занимает в книге большое место.

«Повесть о Сухане» — замечательное произведение XVII в., открытое В. И. Малышевым в единственном списке, сопровождается полным фототипическим воспроизведением всей единственной рукописи этого произведения, что вполне закономерно для данной книги и чего, конечно, не стоило делать в других, менее ответственных случаях. Это же издание включает в себе материалы для будущих исследователей: тексты «Повести о Сухане», былины о Сухане, полную библиографию и т. д.

Не буду приводить еще других примеров различия в структуре отдельных монографий; важно, что эти различия диктуются требованиями материала. Отличие данного жанра литературоведческих монографий от других литературоведческих жанров определяется следующими признаками: все книги серии исследуют памятник или группу памятников на основе текстологического анализа всех списков, с установлением истории текста памятника там, где это возможно; а основой для литературоведческого анализа текстологического материала служит его марксистский анализ на базе изучения исторической действительности своего времени.

Большое значение придается единообразию технического оформления подготовляемого к изданию текста. В «Проекте издания памятников древнерусской литературы», опубликованном в XI томе «Трудов Отдела древнерусской литературы», приведены подробно разработанные правила публикации текстов. Здесь и правила передачи текста, и правила печатания произведений с разбивкой на редакции, виды, изводы и др., и правила подведения разночтений, составления подстрочных примечаний, пользования шрифтами и т. д.

Подробная разработка правил издания текстов очень важна. Читателю обычно бывает трудно запомнить все многочисленные приемы, которыми различные публикаторы пользуются по-разному, и если не ввести строгого единообразия в техническое оформление всех изданий серии, то смысл многих из применяемых приемов публикации попросту будет утрачен и не воспринят читателем. Надо, чтобы техническое оформление передачи текста стало привычным для читателя, чтобы значение курсива, прямых, круглых или угловых скобок, условных сокращений, отдельных способов подведения разночтения и многое, многое другое воспринималось читателем непосредственно, без того, чтобы ему приходилось каждый раз обращаться к «правилам издания», которые по необходимости не могут быть слишком пространными.

В основном выработанные в «Проекте издания памятников древнерусской литературы» правила публикации текстов неукоснительно соблюдаются, причем правила эти, поскольку они удобны и хорошо обоснованы, распространились и на другие издания по древнерусской литературе, в частности на публикации текстов в «Трудах Отдела древнерусской литературы».

Надо, однако, сказать, что правилами публикации текстов не исчерпываются текстологические приемы исследователей. Многие из этих приемов подчиняются не правилам, а текстологическим убеждениям исследователей или зависят от характера материала. Поскольку в текстологии не достигнуто еще единства взглядов на многие вопросы, а круг памятников, издаваемых в серии, очень разнообразен, полное текстологическое единообразие в серии отсутствует. Все исследователи, публикующие свои работы в серии, одинаково убеждены в необходимости исследовать историю текста, в том, что история текста есть плод прежде всего сознательной и целенаправленной деятельности людей, а не только простой порчи текста переписчиками; все они предпочитают историческую классификацию текстов формальной и т. д.; но не все исследователи одинаково относятся к реконструкции текста — частичной или полной, к значению так называемых индивидуальных чтений и т. д. В результате в серии есть издания, точно воспроизводящие тексты списков, и есть издания, реконструирующие архетипы, вводящие в текст «лучшие чтения» или ограничивающиеся только самыми

необходимыми поправками. В виде опыта в серии допускается и то, и другое. «Сочинения Ивана Пересветова» изданы со включением в текст «лучших» чтений и исключением чтений индивидуальных. Древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия частично реконструирует архетип. Этого не допускают издания «Сказания о князьях владимирских» или «Валаамской беседы».

Научные споры здесь продолжаются, и непосредственная работа над подготовкой памятников к изданию позволит решить многое. Серия отражает научные искания, стремится прокладывать новые пути в изучении древней русской литературы на строго научной основе. Используя огромные достижения старой филологической науки и вводя новые принципы марксистской методологии, серия приближает исследования и публикации к принципам подлинного историзма, порывая с механистичностью приемов старой текстологии, связывая текстологические исследования с литературоведческими.

Мне остается сказать о выборе тем для отдельных выпусков. В «Проекте издания памятников древнерусской литературы» говорится: «Выпуски серии посвящены в первую очередь лучшим произведениям в художественном и идейном отношении и произведениям, имеющим большое историко-литературное значение»⁴. Требования нашей науки внесли в это положение существенные поправки.

В целом в серию монографических исследований Памятников древнерусской литературы в первую очередь включаются те произведения, которые нужны для науки и до сих пор не исследованы или исследованы мало и с неверными выводами.

Отдельные выпуски посвящены впервые найденным произведениям, как «Повесть о Сухане»; произведениям во вновь найденных лучших списках, восполняющих дефекты ранее известных, например, древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и первая пьеса театра Алексея Михайловича «Артаксерово действо»; новому составу сочинений Ивана Пересветова и Иосифа Волоцкого и т. д. Каждый выпуск в той или иной мере уточняет перспективу исторического развития древней русской литературы, в целом установленную еще дореволюционным русским литературоведением. В этом исправлении исторической перспективы особенно нуждается литература XVI и XVII вв., поэтому, удивительно, что большинство выпусков посвящено произведениям именно этих веков.

В самом деле, может быть ничто так не искажалось в русской дореволюционной науке и в современной западной, как русская общественная мысль XVI в. В ней преувеличенное значение придавалось теории Москвы — Третьего Рима. Она объявлена была исконной теорией русского «империализма», к ней сводили очень различные высказывания отдельных писателей об исторической миссии России. На самом деле, как бесспорно доказывает исследование «Сказания о князьях владимирских», круг официальных идей в целом был отличен от теории Москвы — Третьего Рима; высказанной псковским старцем Филофеем, хотя в отдельных отношениях он и оказывался к ней близок. Служить обоснованием русского «империализма» эти официальные идеи никак не могли, так как нигде не свидетельствовали о притязаниях на нерусские земли и, в частности, на последние Византии — Второго Рима. Строгие текстологические исследования официальных памятников помогли здесь отвергнуть спекулятивные, поверхностные утверждения реакционных ученых о якобы исконно присущих русскому государству как таковому притязаниях на мировое господство.

Установлению нового взгляда на посифлячество и на нестяжательство способствуют исследования, опубликованные в выпусках, посвященных «Посланиям Иосифа Волоцкого» и «Валаамской беседе», а также в выходящем в скором времени исследовании сочинений Вассиана Патрикеева.

Недавно найденное В. И. Малышевым произведение XVII в. «Повесть о Сухане» значительно уточняет наши представления о народной литературе в народном творчестве XVII в. Один выпуск посвящен переводному произведению — «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, что важно в связи с тем, что переводные произведения почти перестали изучаться за последнее время. Другой выпуск посвящен произведению житийной литературы («Повесть о житии Михаила Клопского»), существенному с точки зрения изучения закономерностей развития повествовательной литературы.

Как видно из сказанного выше, отдельные выпуски посвящены не всегда лучшим произведениям древней русской литературы, но зато — всегда таким, изучение которых проливает новый свет на ту или иную сторону историко-литературного процесса.

В ближайшей перспективе намечены к осуществлению следующие выпуски: «Новая повесть о преславном Российском царстве» (Н. Ф. Дробленкова), «Сочинения Вассиана Патрикеева» (Н. А. Казакова), «Повести Петровского времени» (Г. Н. Монсеева), «Повесть о Дракуле» (Я. С. Лурье), «Пренне живота и смерти» (Р. П. Дмитриева), «Слово о погибели Русской земли» (Ю. К. Бегунов), «Слово о законе и благодати Иллариона» (Н. Н. Розов), «Сочинения Феофана Прокоповича» (И. П. Еремин и Г. А. Стратановский), «Повесть о разорении Рязани» (Д. С. Лихачев), «Повесть о Басарге» (М. О. Скрипиль и Д. А. Дмитриев), «Повесть о взятии Царьграда турками» (С. Н. Азбелев), «Азовские повести» (А. Н. Робинсон), «Сочинения Аввакума» (В. И. Малышев, Н. С. Сарафанова и А. Н. Робинсон), «Елисейский и Римский летоисчислитель» (Р. П. Дмитриева), «Хроника Константина Манассии» (М. А. Салмина) и др.

В этом списке имеются памятники, чрезвычайно важные с точки зрения связей русской литературы с литературами других народов («Повесть о Дракуле» и «Пренебрежение жизнью и смертью»); изучение других памятников необходимо для выяснения связей с деловой литературой («Новая повесть о преславном Российском царстве»). В выпуске, посвященном сочинениям Феодана Прокоповича, будут впервые исследованы и изданы в латинском тексте и в переводе на современный русский язык его «Поэтика» и его «Риторика». «Слово о погибели Русской земли», которому посвящена огромная исследовательская литература на русском, немецком, французском и английском языках, будет впервые изучено текстологически, что позволит довольно твердо решить вопрос о его связях с «Житием» Александра Невского. Ряд выпусков даст не только новое освещение отдельных памятников древнерусской литературы, но позволит иначе, чем обычно, осветить весь круг связанных с ними проблем.

Серия в большом масштабе осуществляет пересмотр традиционных представлений об истории древнерусской литературы в целом, — представлений, сложившихся еще в дореволюционной науке и продолжающих жить в советском литературоведении. Этот пересмотр осуществляется не поверхностно, не путем перетасовки уже имеющихся памятников, текстов, фактов, а глубоким исследованием всего материала — начиная от рукописей, литературной истории каждого памятника, посредством установления его текста, введения в круг изучения новых памятников, переоценки уже известных и т. д.

Издание всей серии (в ней будет около 40 выпусков) позволит действительно по-новому построить историю русской литературы первых семи веков ее существования.⁵

⁵ Характеристику серии см. в польском журнале «Studia Źródłoznawcze» (IV, 1959) в рецензии на статью Р. П. Дмитриевой «Проект серии монографических исследований — издание памятников древнерусской литературы» («Тр. Отд. др.-русс. лит.-ры», 1959) т. XI, принадлежащей перу Анд. Роппе, а также в статье М. Woltner «Die altrussische Literatur im Spiegelbild der Forschung». Teil IV, Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, 1958, Bd. XXVII, H. 1, S. 195—197.